

ЗООНИМЫ: МЕСТО В ОНОМАСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

К л ю ч е в ы е с л о в а: русский язык, зоонимия, антропонимия, ономастиологическая модель, функции имени собственного.

В статье рассматриваются основные особенности и различия между русскими зоонимами и антропонимами на лексико-семантическом, структурно-грамматическом и функциональном уровнях. Сравнение кличек животных и человеческих имен, занимающих ключевую позицию в области ономастики, помогает выделить особенности зоонимов и определить их место в ономастическом пространстве, а также понять направления их развития.

Начиная с первых работ, посвященных описанию русской зоонимии, ономатологи последовательно отмечают ее сходство с антропонимией: «даже при беглом знакомстве с перечнем зоонимов бросается в глаза почти буквальное сходство их с нехристианскими русскими именами и современными прозвищами, т. е. налицо связь зоонимики с антропонимикой» [Смирнов, 300].

К таким же выводам почти одновременно приходит и П. Т. Поротников: «Уже беглое сравнение кличек животных с прозвищами людей и древнерусскими именами дает основание говорить об их близости» [Поротников, 211]. Близость эта, по мнению ученого, проявляется в том, что «принципы, положенные в основу мотивации кличек при наделении ими домашних животных, являются теми же, что и при наделении людей прозвищами, а в древнерусскую пору — именами» [Там же, 249].

На связь зоонимии с антропонимией указывает и Т. П. Романова в диссертационном исследовании, посвященном официальной иппонимии: «Официальные иппонимы занимают в зоонимии особое положение, существенно отличаясь от большей части других видов кличек животных по характеру мотивации, уровню индивидуализации животных, стилистической окраске, продуктивности способов словообразования. По многим из этих показателей они сближаются с официальными формами личных собственных имен, в особенности с новообразованиями послеоктябрьского периода (типа *Идея, Лилия, Победа*)» [Романова, 3–4].

Сопоставление зоонимов с антропонимами использует Н. Г. Рядченко для выявления своеобразия зоонимии как особого класса ономастической лексики. Свообразными, по мнению ученого, являются структурные свойства зоонимов: особые зоонимические суффиксы: *-ан, -ун, -уна, -ура, -уха, -уша* и др.; специфичные для зоонимии феминные образования, оформленные с помощью флексии *-а*: *Альта, Буяна, Валета, Динга* и др.; безаффиксные образования имен мужского рода: *Акул, Ракет*; значительная часть зоонимов в форме субстантивированных прилагательных: *Буланный, Буйный, Быстрая* и др.; составные наименования в зоонимии: *Большой Успех, Осенняя Ночка, Черная Магия* и др. [Рядченко, 93–95].

Анализируя ядерно-периферийные отношения в русском ономастическом поле, В. И. Супрун также указывает на близость данных разрядов собственных имен. По мнению автора, ядром русской онимии являются антропонимы. В сопоставлении с ними определяется онимичность других единиц. Зоонимы квалифицируются как антропонимоподобный разряд, занимающий наряду с мифонимами, теонимами и др. околоядерное пространство [Супрун, 6].

Продолжим рассмотрение интегральных и дифференциальных свойств зоонимов и антропонимов на лексико-семантическом, структурно-грамматическом и функциональном уровнях. Сопоставление кличек животных с именами людей, занимающими ядерное положение в ономастиконе, позволяет выявить особенности зоонимов, определить их место в сфере ономастики и понять тенденции развития.

В работе используются материалы и результаты исследований по русской зоонимике, а также клички коров, собранные нами и под нашим руководством на территории ряда районов Ярославской и Вологодской областей, и клички лошадей Вологодского конного завода (всего около 7 000 единиц). Кроме того, к анализу привлекаются зоонимические факты, извлеченные из художественной литературы, массовой печати и интернет-ресурсов.

Как уже отмечалось, в процессе лексико-семантического анализа мотивированных зоонимов устанавливается почти буквальное сходство их с нехристианскими русскими именами и современными прозвищами. На это сходство впервые указывает А. А. Смирнов в своей статье «Из зоонимии Горьковской области». При рассмотрении кличек животных исследователь пользуется классификацией

древнерусских антропонимов А. М. Селищева и обнаруживает точное совпадение выделенных групп: группа зоонимов по масти: *Белянка* — кличка коровы, ср. *Беляк* — имя человека; по поведению и свойствам животного: *Веселый* — кличка коня, ср. *Веселый* — имя человека; по внешнему виду и физическим недостаткам: *Безносик* — кличка свиньи, ср. *Безнос* — имя человека; по отношению владельца к факту рождения или появления животного: *Жданка* — кличка коровы, ср. *Жданко*, *Нежданко* — имена людей; по порядку и времени рождения: *Первина*, *Субботка*, *Марта*, *Апрелька* — клички коров, ср. *Первуня*, *Суббота* — имена людей и т. д. [Смирнов, 301]. Выводы А. А. Смирнова полностью подтверждаются на нашем материале. Среди мотивированных кличек коров продуктивны зоонимы, отражающие особенности поведения и нрава животного: *Безобидная*, *Дикарка*, *Злюка*, *Капризная*, *Ласковая*, *Тихоня*, *Шалунья* и др.; клички, характеризующие отношение человека к животному или факту его появления: *Дорогуша*, *Душечка*, *Желанка*, *Любимица*, *Милка*, *Награда*, *Ноша*, *Холеня* и др.; зоонимы, указывающие на масть животного: *Буренка*, *Дымка*, *Каурка*, *Рыжуха*, *Пегаша*, *Пеструля*, *Сивая*, *Чернуха*, *Березка*, *Ночка*, *Сажка*, *Смуглянка* и др.; на время его рождения: *Весна*, *Зима*, *Апрелька*, *Январка*, *Октябрина*, *Майка*, *Субботка* и др.

Однако применительно к отдельным видам зоонимов состав и продуктивность таких групп, по-видимому, будут различны. Н. Г. Дубова, описывая особенности кличек охотничьих собак, отмечает продуктивность кинонимов, указывающих на связь с охотой, с охотничьими качествами собаки, с ее охотничьей функцией. Автор выделяет, в частности, клички, связанные с голосом собаки: *Залива*, *Вопишка*, *Воркун*, *Голос*, *Шумило*, *Гром* и др.; клички, отражающие охотничьи функции собаки: *Добор*, *Хват*, *Добыч*, *Разгон*, *Напор* и др.; семантически близкие к ним зоонимы, образованные от «энергичных», «охотничьих», по выражению автора, глаголов: *Хватай*, *Бушуй*, *Валяй*, *Шугай* и др. [Дубова, 146]. По свидетельству Т. П. Романовой, семантическое поле прямо мотивированных иппонимов в целом отражает четыре основных аспекта характеристики племенной лошади: внешние особенности (*Блондинка*, *Монолит*), особенности поведения и нрава животного (*Кокетка*, *Упрямый Парень*), физическую силу и беговые качества лошади (*Крылатая*, *Плавная*, *Буран*), общую оценку животного (*Восторг*, *Большая Удача*) [Романова, 12].

Обязательными для всех видов зоонимов являются клички, указывающие на цветовые признаки животных, на их отличительные внешние особенности, на особенности нрава, поведения животных [Рядченко, 1994, 79–80]. На основе этих мотивировочных признаков клички животных сближаются не только с личными именами людей, но и с нарицательными агентами (ср., например: *блондинка*, *смуглянка*, *коротышка*, *великан*, *задира*, *недотрога*), а также с нарицательными наименованиями фауны (ср., например: *рябчик*, *соловей*, *горихвостка*, *дутыш*, *поползень*).

При наличии сходства в группировках производящих для антропонимов и зоонимов отмечается более широкое взаимодействие последних с апеллятивной лексикой [Рядченко, 1994, 81]. Покажем это на примере иппонимов: *Гейзер, Гипюр, Графа, Загранка, Замша, Коврига, Когорта, Лепта, Лигатура, Лизинг, Логарифм, Логотип, Магний, Ниша, Ночлег, Но-шпа, Рампа, Папирус, Пролог, Сервиз, Спаржа, Спичка, Тесьма, Трилогия, Трюфель* и др. Как видно, в образовании зоонимов участвуют нарицательные разных разрядов и групп. При описании зоонимикона одной из молочнотоварных ферм в Удмуртии (180 русских кличек коров) Г. А. Архипов и В. И. Иванов выделяют около 30 групп производящих апеллятивов [Архипов, Иванов, 307]. По многочисленности и разнообразию производящей базы немотивированные зоонимы соотносятся с современными товарными знаками, прагмонимами. Под воздействием культурных и идеологических факторов новые имена появляются и в антропонимии: *Академа, Баррикада, Гранит, Наука, Октябрь, Трактор, Электрон, Эра* и др. Однако, «несмотря на все нововведения, общая тенденция русской именной системы консервативна» [Суперанская, 1998, 62].

В ряде случаев создаются искусственные зоонимы: *Гивса* (от *Гасконии* и *Сервиза*), *Косарз* (от *Кефали* и *Сервиза*), *Косла* (от *Капризной* и *Лозняка*), *Реап* (от *Робости* и *Папируса*). С помощью таких имен в племенном коневодстве передается происхождение животных по матери (первая буква клички) и отцу (буква в одном из следующих слогов). Подобная номинация антропонимии не свойственна, если не брать в расчет имена-аббревиатуры и сложносокращенные имена: *Восмарт* — «Восьмое марта», *Карм* и *Кармий* — «Красная армия», *Мэлс* — «Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин», *Рэм* — «революция, электрификация, механизация», *Рэммир* — «революция мировая», «*Пятьвчет* — «Пятилетку в четыре года!», *Юнната* — «юный натуралист» и др. [Суперанская, 1998, 61, 243, 286]. Правда, информация, закодированная в подобных именовании, имеет иной характер.

Несмотря на лексическое многообразие зоонимии и наличие кличковообразований, в ней так же, как и в антропонимии, выделяются наиболее типичные имена, характерные для каждого вида зоонимов. Так, традиционными для кошек являются клички *Барсик, Васька, Дымка, Мурзик, Мурка, Муська, Пушок, Тимка* и др.; для собак — *Байкал, Бим, Бобик, Волчок, Джек, Дружок, Жучка, Мухтар, Найда, Пальма, Пират, Полкан, Рекс, Тузик, Умка, Черныш, Шарик* и др.; для коров — *Буренка, Дочка, Жданка, Звездочка, Зорька, Милка, Ночка, Роза, Ромашка* и др.; для лошадей — *Воронок, Гнедой, Карий, Орлик, Савраска, Серко, Чалый* и др. [Романова, Салмина, 181]. Такие клички характеризуются повторяемостью и занимают ядерное положение в своем видовом подмножестве. Повидимому, частотность их, как и частотность антропонимов, может меняться во времени и пространстве (вопрос о частотности зоонимов требует особого рассмотрения [см.: Гусева]). Многие из этих кличек сближаются с нарицательными именами (и/или образуются на их основе) и употребляются для обозначения

животных данного вида в целом. Так, в словаре С. И. Ожегова отмечается деонимизация следующих лексем: *барбос* ‘большая дворовая собака (по распространенной кличке)’, *жучка* — ‘дворовая собака (по распространенной кличке)’, *шарик* ‘то же’, *мурка* ‘кошка (по распространенной кличке)’, *буренка* ‘корова (по распространенной кличке)’ и др. [Ожегов, 42, 199, 889, 368, 68]. В «Словаре коннотативных собственных имен» Е. С. Отина приводятся и другие примеры подобного рода: *барсик* — ‘всякий кот, всякая кошка’, *бобик* — ‘любая собака, чаще непородистая’, *васька* — ‘всякий кот, всякая кошка’, *резор* — ‘служебно-розыскная собака’ и др. [Отин, 2006, 76, 79, 108, 356]. Традиционные русские клички заимствуются другими языками [Архипов, Иванов, 306–307; Баскаков, 206].

Обратимся к грамматическим, функциональным и структурным признакам рассматриваемых ономастических классов.

Как и антропонимы, зоонимы обозначают живые существа в их индивидуальности и являются одушевленными существительными в отличие от других разрядов онома (не считая теонимов). Антропонимы служат для обозначения лиц, зоонимы — для обозначения животных. У тех и других отмечается семантический компонент пола: у антропонимов это значения мужского и женского пола, у зоонимов — значения ‘самец’ — ‘самка’ [Голомидова, 19–20]. Отношение к полу выражается с помощью грамматического рода. При этом в антропонимии женские имена часто образуются на базе мужских: *Александр* — *Александра*, *Валентин* — *Валентина*, *Евгений* — *Евгения* и др. Сходные явления отмечаются и в зоонимии: если для образования клички самки используется слово мужского рода, «то оно обязательно с помощью окончания или суффикса будет оформлено как существительное женского рода» [Дубова, 149]. В зоонимии в качестве производящих для феминных дериватов могут выступать как собственные, так и нарицательные существительные. Покажем это на примере иппонимов: *Амур* — *Амурка*, *Орфей* — *Орфея*, *Титан* — *Титания*, *легион* — *Легионка*, *хаос* — *Хаоска* и др. Клички самцов, образованные от существительных женского рода, напротив, теряют окончание *-а* (в наших материалах таких примеров нет, Т. П. Романова их приводит: *Гуляк*, *Литавр* [Романова, 9]). В современной русской антропонимии имена мужского рода таким способом не образуются, но, как свидетельствуют А. В. Сулова и А. В. Суперанская, в процессе пополнения именника в послереволюционные годы новые мужские имена образовывались на базе старых календарных женских имен: *Альбин* от *Альбина*, *Ксений* от *Ксения* [Сулова, Суперанская, 143]. Соотносительные явления наблюдаются в настоящее время в сфере виртуальной антропонимии, так называемых никнеймов (ников): *Дохлый Мыр*.

По грамматической форме имена людей являются существительными, среди зоонимов нередко встречаются субстантивированные прилагательные: *Верный*, *Быстрая*, *Веселая* и др. По мнению Н. Г. Рядченко, это одно из существенных отличий современных зоонимов от антропонимов [Рядченко, 1988, 93–95].

С этим утверждением трудно не согласиться. Однако важно помнить, что в древнерусской антропонимии структуры типа *Веселой, Грязной, Смирной, Черной* были весьма обычны. Кроме того, они встречаются в современных прозвищах: *Кудрявый, Золотой, Огненный, Седой, Белобрысый* [Никулина, 1977, 23–25] и именах пользователей персональными компьютерами: *ВеСеЛая, Вредная, НеЖна_Я, Прикольный, Бодрый, МРАЧНЫЙ* [Голованова, 61].

Зоонимы и антропонимы сближаются в функциональном отношении. Как и антропонимам, зоонимам свойственны все основные функции имен собственных: номинативная, идентифицирующая, дифференцирующая и др. В повседневной речи зоонимы обычно выполняют вокативную функцию. При выполнении этой функции зоонимы, как правило, повторяются, уподобляясь подзванным словам: *Васька-Васька-Васька* и *кс-кс-кс*, *Семка-Семка-Семка* и *серы-серы-серы*, *били-били-били*, *чиги-чиги-чиги* и др. Повторение антропонимов в вокативных предложениях возможно лишь в ситуации эмфазы: «*“Вера! Вера!”* — в ужасе говорил Райский, протягивая ей руки, чтобы ей помешать» (И. А. Гончаров).

Возможно, функциональной близостью этих разрядов отчасти объясняется массовое проникновение антропонимов в зоонимию. Во многих исследованиях отмечается широкая распространенность кличек животных, образованных от имен людей [Поротников, 233–235; Фонякова, 115; Рядченко, 1988, 92; Романова, Салмина, 178; и др.]. Покажем это на наших примерах кличек коров: *Варвара, Василиса, Вероника, Вика, Виктория, Глаша, Груня, Дарья, Динара, Дуся, Ева, Зося, Клара, Лара, Лукерья, Любава, Марфа, Машка, Ника, Нюша, Регина, Розалия, Руфа, Сандра, Серафима, Сима, Соня, Таня, Файка, Яна* и мн. др. Как видно, в роли зоонимов используются самые разные имена в полных и гипокористических формах. Состав антропозоонимов постоянно пополняется. В них отражаются имена героев литературных произведений, кино, телесериалов и людей, ставших известными в той или иной сфере деятельности, например: *Ванесса, Гита, Джина, Зита, Изаура, Кармелита, Кармен, Латифа, Лолита, Мальвина, Раquel, Рамона* и др. Только отходом от традиций позапрошлого века, когда, по наблюдениям В. И. Даля, «грешно было кликать собаку человеческим именем», объяснить распространенность антропозоонимов, как пишет Н. Г. Рядченко [1994, 80], по-видимому, трудно. Более того, и в XIX в. антропонимы употреблялись в функции зоонимов: вспомним хотя бы кота *Ваську* из басен И. А. Крылова. По-видимому, уже в то время эта кличка оценивалась как типично кошачья, ср.: «И старый кот Васька был к нему, кажется, ласковее, нежели к кому-нибудь в доме» (И. А. Гончаров). Клички, образованные от антропонимов, отмечаются в зоонимиконах других языков. По данным справочно-информационного интернет-портала «Русский язык», большинство кличек коров в Баварии — немецкие женские имена, самые популярные из них — *Рези, Альма, Сузи, Хайди, Габи, Рита, Лаура, Белла* [Русский язык].

Взаимодействие зоонимов и антропонимов, по-видимому, имеет давнюю историю. Многие зоонимы из «классического» репертуара совпадают с древнерусскими мужскими именами, отмеченными в ономастиконах: *Бурена*, *Бурен*, *Бурко* [Тупиков, 71; Веселовский, 55; Кюршунова, 73], *Воронко* [Тупиков, 95; Веселовский, 72], *Гнедко*, *Дик* [Тупиков, 108, 128], *Жуль*, *Жуля* [Тупиков, 153; Веселовский, 116], *Жучик*, *Жучка*, *Игрень* [Веселовский, 117, 127], *Каур*, *Коур*, *Коурко* [Тупиков, 203; Веселовский, 137; Кюршунова, 265–266], *Карий*, *Малюта*, *Мухорт*, *Мухортый* [Веселовский, 135, 192, 209], *Найда* [Тупиков, 266], *Пегуш*, *Пегуша* [Веселовский, 240], *Рыжко* [Тупиков, 344; Веселовский, 274], *Рябец*, *Рябка*, *Рябуха* [Тупиков, 346; Веселовский, 275], *Саврас* [Тупиков, 347; Веселовский, 276; Кюршунова, 477], *Серко* [Тупиков, 385; Веселовский, 285–286; Кюршунова, 486], *Тузик* [Тупиков, 404], *Чалой* [Тупиков, 421; Веселовский, 346], *Черныш* [Тупиков, 426], *Чубарой*, *Чубар* [Тупиков, 430; Веселовский, 355; Кюршунова, 591]. Такое совпадение, как и сходство мотивировочных признаков, лежащих в основе антропонимов и зоонимов, может свидетельствовать о том, что формирование этих ономастических классов проходило одновременно. «Следует полагать, что в течение длительного времени происходил “естественный” ономастический отбор материала, в результате чего выработались типичные клички животных, ставшие своеобразными “именами”, не употребляющимися в качестве прозвищ людей» [Поротников, 243].

В процессе функционирования зоонимы, как и антропонимы, образуют гипокористические формы, которые употребляются наряду с официальными, паспортными именами [Суперанская, 1973, 163; Рядченко, 1994, 84]. Н. Г. Рядченко приводит такие примеры: конь *Гиацинт* на тренировке становится *Гошей*, *Капитал* — *Капой*, *Ракета* — *Раей*, кошку *Нефертити* зовут по-домашнему *Тышкой*, овчарку, в паспорте которой значится имя всемирно известного художника — *Винсент Ван Гог*, хозяйку называют ласково — *Винсуля* [Рядченко, 1994, 84]. Ряд зоонимических гипокористик можно продолжить, сделаем это на примере иппонимов: лошадь *Крапинку* неофициально называют *Крапкой*, *Лигатуру* — *Лигаткой*, *Репутацию* — *Путашкой*, *Рупию* — *Рупкой*, *Таганку* — *Таганой*, *Тропиканку* — *Тропкой* и т. д. Конечно же, в речи употребляется не одна форма зоонима: корову *Зорьку* в зависимости от ситуации могут назвать *Зоря*, *Зоренька*, *Зоряня*, *Зорюша*, *Зорюшка*, *Зорюха* и т. д.; кошку *Лиску* — *Лиса*, *Лисонька*, *Лисуля*, *Лисулька*, *Лисуня*, *Лисунька* и т. д.; собаку *Тузика* — *Тузя*, *Тузька*, *Тузяха*, *Тузьяшка*, *Тузило*, *Тузилко* и т. п. Как видно, образуются зоонимические гипокористики подобно антропонимическим. Однако по составу и количеству подобных форм зоонимы значительно уступают антропонимам. В некоторых случаях количество антропонимических гипокористик исчисляется сотнями: например, у самого распространенного русского мужского имени *Александр* 126 гипокористических форм [Тихонов, Бояринова, Рыжкова, 30–36], у имени *Николай* — 106 [Там же, 260–263], у имени *Иван* — 104 [Там же, 1995, 180–183].

«Своеобразие зоонимов как особого класса собственных имен заключается и в том, что, в отличие от антропонимов, клички типа *Васька, Машка, Димка* являются нейтральной формой имени, а не уничижительным его вариантом» [Рядченко, 1994, 82].

По структуре антропонимы и зоонимы различны. Личные именованья трехкомпонентны, состоят из имен, отчеств и фамилий. Клички животных, как правило, однословны (ср.: *Шарик* и *Полиграф Полиграфович Шариков*). Но и в структурном отношении зоонимы могут сближаться с антропонимами. Как пишет Г. Ф. Фельде, в индивидуальных хозяйствах Тюлькубасского р-на Чимкентской обл. Казахстана свиней и овец «часто называют по имени и отчеству человека, у которого их купили, а чаще — произвольно: *Василий Иванович, Сидор Карпыч* и т. д.» [Фельде, 237]. Примеры зоонимов, созданных по структурным моделям личных именованья, приводят и другие авторы: кошка *Евдокия Абрамовна*, кот *Василий Павлович*, кот *Мусик Васильевич*, свинья *Оксинья Ивановна*, поросенок *Борис Иванович*, петух *Петр Иванович* [Поротников, 233–234], собаки А. П. Чехова *Хина Марковна* и *Бром Исаевич* [Рядченко, 1994, 83]. Аналогичные образования нередко встречаются в художественной литературе: медведь *Михайло Иваныч Топтыгин* (Н. А. Некрасов), кот *Федор Тимофеевич*, гусь *Иван Иванович*, свинья *Хавронья Ивановна* (А. П. Чехов), кот *Василий Васильевич* (Е. И. Чарушин), муха *Домна Ивановна*, волк *Семен Алексеевич*, муравей *Галина Мурадовна*, еж *Тарас Кирибеевич* (Л. Петрушевская). Литературные зоонимы отражают языковое своеобразие антропонимов: сравним клички котиков у Дж. К. Джерома и Е. И. Чарушина — *Томас-Генри* и *Василий Васильевич*. Образованные по структурной схеме антропонимов, такие зоонимы, однако, имеют специфическую коннотацию: если имена людей, употребленные с отчествами, имеют оттенок уважительности, то клички животных, сопровождаемые «отчествами», приобретают оттенки ироничности и шутливости.

Множество таких примеров содержится в русских народных сказках: кот *Котофей Иванович*, *Котай Иванович*, *Котонайло Иванович*, козел *Козьма Микитич*, лиса *Лизавета Ивановна*, медведь *Михайло Иванович*, волк *Левон Иванович* (А. Н. Афанасьев), кот *Кот Котофеич*, медведь *Михайло Потапыч*, лиса *Лиса Патрикеевна*. По мнению В. М. Мокиенко и О. И. Фоняковой, «некоторые наиболее древние “человеческие” имена животных при глубинном этимологическом анализе оказываются именами нарицательными, не связанными с именами людей, а лишь созвучными им. Например, *Мишка, Михаил Потапыч, Миха* и т. д. — медведь — восходит к древнему табуированному славянами апеллятиву со значением ‘медведь’. Или *Петя, Петушок, Петр Иваныч* — петух — в фольклоре восходит, очевидно, к древнерусскому *пѣтъкъ, потя, потка* — ‘птица’ (курсив наш. — Е. В.). <...> Такое переосмысление апеллятива помогло не только “специализации” отдельных зоонимов, их укреплению за отдельными видами животных, но и послужило, в конечном счете прототи-

пом зоонимической модели в древности: антропоним > зооним [Мокиенко, Фоякова, 321–322].

Среди зоонимов встречаются словосочетания (в наших материалах они единичны). Воспользуемся примерами иппонимов из документов Одесского ипподрома, которые приводит Н. Г. Рядченко: *Весенняя Капель, Весенняя Краса, Гуманная Акция, Приятная Улыбка, Стремительный Рейд* и др. [Рядченко, 1994, 83]. В современной русской антропонимии такие структуры невозможны, но в древнерусском антропонимиконе они встречаются: *Волчий Хвост, Волчий Зуб, Дикий Заяц, Кривые Щеки, Песья Старость* и др. [Тупиков, 93, 128, 209, 302]. Возникают они и среди компьютерных имен: *Лысый мужик, Млечный Путь, Берег Истины* [Голованова, 61].

В словообразовательном отношении зоонимы, как и все онома и антропонимы в их числе, вторичны, образованы на базе апеллативной лексики. Поэтому ведущим способом зоонимообразования является лексико-семантический, представляющий собой онимизацию апеллативов и трансонимизацию. Отдельные виды зоонимов могут иметь словообразовательные особенности. В частности, в кинонимии отмечается морфолого-синтаксическое и суффиксальное отглагольное образование существительных: *Догоняй, Хватай, Карай; Будило; Звонило, Громило* и т. д. [Дубова, 148–149]. При анализе таких зоонимов важно помнить о бытовании подобных структур в древнерусском именнике: *Заломай, Замарай, Захватуй, Лягай, Мешай, Непролей, Опекай, Постой, Учуй* и др.; *Попихайло, Судило, Твердило, Терпило, Томило* и др. [Тупиков, 156, 158, 237, 263, 209, 290, 319, 411; 315, 378, 388, 390, 393].

Возникает вопрос о продуктивных «зоонимических» суффиксах. Разные ученые включают в их состав разные морфемы. П. Т. Поротников отмечает в уральской зоонимии продуктивность суффиксов *-ух-а, -ок, -ан, -ин-а, -ач, -ыш, -ушк-а* [Поротников, 247]. В. М. Мокиенко и О. И. Фоякова на материале псковской зоонимии выявляют другой ряд продуктивных суффиксов: *-ка, -оня, -оха, -уха, -анка, -ик, -иш* и др. [Мокиенко, Фоякова, 318]. П. П. Чучка определяет как специально-зоонимические суффиксы *-ан, -ун, -уна, -уха, -уша, -уця* в украинских говорах (на эти данные ссылается в своих статьях Н. Г. Рядченко) [Чучка, 62]. В общей части данных рядов оказываются суффиксы *-ух-а* и *-ан*. Однако эти суффиксы, как и все остальные в приведенных перечнях, активно используются в модификатах личных имен и нарицательных названиях лиц: *Танюха, Танюша, Филиппок, Колян, Тимоня, Тимоха* и т. д. Разница в продуктивности словообразовательных моделей зоонимов на разных территориях подчеркивает необходимость изучения кличек животных в лингвогеографическом аспекте.

Сопоставляя зоонимы и антропонимы, нельзя не сказать о так называемых «серийных» именах. При описании древнерусских антропонимов отмечаются случаи тематического подбора имен для представителей одной семьи. Например, «в семействе Травинных преобладали «ботанические» имена: *Дятелина* (клевер),

Осока, Отава (трава, вторично выросшая от тех же корней на скошенном месте), *Пырей, Салмак* (купа плодовых деревьев или ряд виноградных посадок), *Щавей* (щавель)» [Суперанская, 1998, 16–17]. Аналогичные серии отмечаются и в зоонимии. Н. Г. Дубова пишет: «Если у владельца есть пара борзых (свора) или гончих (смычок), то желательно, но не строго обязательно, чтобы собаки имели клички, сходные по семантике: *Дунай — Двина, Скрипач — Скрипка, Промех — Осечка, Буран — Вьюга* и т. п.» [Дубова, 146]. Подобные примеры есть и в нашей картотеке: лайки *Герда* и *Кай*, русские гончие *Ариф*, *Тугай* и *Нихай* (по именам игроков сборной Турции по футболу), кошки *Тамерлан*, *Ксеркс* и *Клеопатра*, коровы *Белоха*, *Черноха*, *Красноха*, *Пестроха*, *Буреха*, *Пятноха* и др.

Как и антропонимы, зоонимы, являясь неотъемлемой частью ономастической подсистемы языка, вступают в отношения с другими разрядами имен собственных. В зоонимобразовании активно участвуют топонимы. Покажем это на примерах кличек коров: *Аляска, Америка, Анапа, Англия, Антарктида, Африка, Балтика, Вологда, Дания, Италия, Мальта, Рига, Россия, Саксония, Флорида* и др. Чаще всего в роли производящих выступают названия рек: *Амазонка, Арагва, Висла, Волга, Двина, Ирма, Кама, Кубена, Ладога, Молога, Нева, Ока, Печора, Урдома, Эльба, Яуза* и др. Имена, точно повторяющие форму топонима (*Иван Самара*), в антропонимии XVII–XVIII вв. «характеризовали их владельцев относительно той местности, откуда они родом или откуда они пришли на новое поселение» [Отин, 1971, 259]. Современные топонимы такой мотивации не имеют, на что указывает, в частности, широта «зоонимической географии». По мнению Е. С. Отина, появление зоонимов, структурно тождественных топонимам, может быть объяснено трояко: 1) как «реликтовое отражение когда-то прямых переходов гидронимов в зоонимы (со стершейся мотивацией типа “корова с берегов Тисы” и т. д.)»; 2) как дальнейшая «иррадиация гидронима в область зоонимии через промежуточное — антропонимическое состояние»; 3) как «асемантические звуковые комплексы, выбор которых для кличек никогда не был обусловлен какой-либо каузальной зависимостью» [Там же, 259–260]. Связь зоонимов с топонимами является односторонней. Антропонимы же, как известно, часто используются при образовании географических названий разных разрядов.

Немногочисленны космозоонимы: *Вега, Венера, Земля, Луна*.

Таким образом, сопоставление личных имен и кличек животных позволяет говорить о тесном взаимодействии этих ономастических классов. Зоонимы действительно имеют антропонимоподобный, по выражению В. И. Супруна, характер, что проявляется на лексико-семантическом, структурно-грамматическом и функциональном уровнях. Многие факты свидетельствуют о формировании зоонимии как самостоятельного ономастического класса под воздействием антропонимии. Некоторые антропонимические явления как бы инерционно продолжают существование в зоонимии. Антропонимы, занимающие ядерное положение в ономастическом

поле, активно взаимодействуют с другими разрядами имен собственных. Зоонимы, находящиеся на периферии этого поля, активнее взаимодействуют с именами нарицательными, их связи с другими ономастическими классами ограничены и, как правило, имеют односторонний характер.

- Архипов Г. А., Иванов В. И.* Зоонимы в Удмуртии // Ономастика Поволжья. Вып. 2. Горький, 1971. С. 306–309.
- Баскаков Н. А.* Клички собак у каракалпаков // Ономастика Средней Азии. М., 1978. С. 206–209.
- Веселовский С. Б.* Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.
- Голованова Е. И.* Имя пользователя персональным компьютером как объект полипарадигмального анализа // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 8–12 сентября 2009 г. Екатеринбург, 2009. С. 60–62.
- Голомидова М. В.* Искусственная номинация в русской ономастике. Екатеринбург, 1998.
- Гусева Е. В.* Традиционные и частотные клички животных в языковой картине мира современного горожанина // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2002. № 4. С. 91–104.
- Дубова Н. Г.* Некоторые особенности кличек охотничьих собак // Вопр. ономастики. Вып. 14. Свердловск, 1980. С. 145–149.
- Кюришнова И. А.* Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. СПб., 2010.
- Мокиенко В. М., Фоякова О. И.* Способы называния в зоонимии // Ономастика Поволжья. Вып. 4. Саранск, 1976. С. 317–322.
- Никулина З. П.* Прозвища-прилагательные // Русское слово в языке и речи. Вып. 2. Кемерово, 1977. С. 23–30.
- Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1990.
- Отин Е. С.* Об именах и кличках, тождественных топонимам // Этнография имен. М., 1971. С. 258–260.
- Отин Е. С.* Словарь коннотативных собственных имен. М., 2006.
- Поротников П. Т.* Из уральской зоонимии // Восточнославянская ономастика. М., 1972. С. 210–250.
- Романова Т. П.* Система русских официальных иппонимов и формирование ее типологических черт : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1988.
- Романова Т. П., Салмина О. В.* Традиционный пласт русской зоонимии (на материале кличек животных с. Покровка Самарской области) // Разноуровневая характеристика лексических единиц : сб. науч. ст. по материалам докладов и сообщений конференции «История языка и диалектология. Ономастика». Смоленск, 19–20 июня 2001. Ч. 2. Смоленск, 2001. С. 174–184.
- Рядченко Н. Г.* Зоонимия как класс ономастической лексики // Актуальные вопросы русской ономастики. Киев, 1988. С. 88–96.
- Рядченко Н. Г.* Зоонимика. Зоонимия русская // Русская ономастика и ономастика России. Словарь. М., 1994. С. 77–84.
- Смирнов А. А.* Из зоонимии Горьковской области // Ономастика Поволжья. Вып. 2. Горький, 1971. С. 299–302.
- Суперанская А. В.* Общая теория имени собственного. М., 1973.
- Суперанская А. В.* Словарь русских личных имен. М., 1998.
- Супрун В. И.* Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал : дис. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2000.
- Суслова А. В., Суперанская А. В.* О русских именах. Л., 1991.

- Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г.* Словарь русских личных имен. М., 1995.
- Тутиков Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. М., 2004.
- Фельде Г. Ф.* Зоонимы Тюлькубасского района Чимкентской области // Этнография имен. М., 1971. С. 237–239.
- Фонякова О. И.* О взаимодействии литературной и диалектной лексики в зоонимии // Литературный язык и народная речь. Пермь, 1984. С. 111–116.
- Чучка П. П.* Слов'янське / неслов'янське в зоонімії Закарпаття // Українська славістична конференція Чернівці, 1964. С. 61–63.
- Русский язык — Справочно-информационный интернет-портал «Русский язык». URL: www.gramota.ru/forum/kurilka/29550/.

Рукопись поступила в редакцию 23.02.2011 г.